

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203544-554>

Исследовательская статья

Алиев Багомед Гадаевич
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
Aliev.bagomed@list.ru

СОЮЗЫ ОБЩИН ДАГЕСТАНА: ИСТОРИЯ ФОМИРОВАНИЯ, ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ, САМОУПРАВЛЕНИЕ

Аннотация. В статье даны характеристики союзов сельских общин (далее ССО) Дагестана как самоуправляемых структур, объединявших селения (джамааты) – ключевое звено в политической организации дагестанских народов. Важнейшими функциями ССО были жизнеобеспечение в широком, включающем материальное, демографическое, духовное воспроизводство, преемственность поколений, защиту своей территории, независимости, пониманию данного термина. Отмечена номинальная роль этнического фактора в формировании ССО, которые состояли в основном из субэтнотосов, либо союзов джамаатов – носителей определенного диалекта того или иного народа. Органы управления формировались и находились в главных селениях ССО. Система управления дагестанских союзов общин в целом была единообразна, но особенностью управленческой системы ССО было то, что органы управления их в целом были органами управления центральных селений. В выборе высших должностных лиц жители сельских общин не принимали участия, а делегировали своих представителей для участия в работе общесоюзных сходов (народных собраний, советов старейшин). Высшие административно-должностные лица (старшины и кадии) центральных (главных) селений выбирали только его жители, хотя эти органы власти являлись общими для всего союза сельских общин. Права и обязанности должностных лиц (старшины, кадии и др.) были детально расписаны и соблюдались строго. Союзы сельских общин Дагестана, письменные сведения о существовании которых относятся к Раннему Средневековью, представляют собой новый, после возникновения сельских территориальных общин – крупных населенных пунктов («ши», «росо», «хюр» и т.д.), этап социально-политической самоорганизации, социокультурной динамики, формирования гражданской идентичности дагестанского полиэтнического сообщества.

Ключевые слова: Дагестан; союзы сельских общин; джамааты; адат; система управления; народное собрание; совет старейшин.

Для цитирования: Алиев Б.Г. Союзы общин Дагестана: история формирования, этнический состав, самоуправление // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 3. С. 544-554. doi.org/10.32653/CH203544-554

© Алиев Б.Г., 2024

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

doi.org/10.32653/CH203544-554

Research paper

Bagomed G. Aliev,
Dr. Sci., Chief Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
Aliev.bagomed@list.ru

DAGESTAN'S UNIONS OF RURAL COMMUNITIES: FORMATION, ETHNIC STRUCTURE, GOVERNANCE SYSTEM

Abstract. The unions of rural communities (URCs) of Dagestan were self-governing structures that united villages (jamaats), serving as a key component in the political organization of the Dagestani peoples. The primary functions of the URC encompassed a broad range of life support activities, including material, demographic, and spiritual reproduction, the continuity of generations, territorial protection, and maintaining independence. The ethnic factor played a nominal role in the URC formation, which primarily consisted of subethnic groups or unions of jamaats that shared specific dialects of a specific people. The governing bodies of URCs were established and located in the main villages, with a governance system that was generally uniform across Dagestani community unions. However, the URC governance system was unique in that its governing bodies typically functioned as the central villages' governing bodies. While rural community residents did not directly participate in electing senior officials, they delegated representatives to all-union gatherings such as people's assemblies and councils of elders. The highest administrative officials, including elders and qadis, of the central settlements were elected exclusively by residents of these settlements, despite their authority extending over the entire union of rural communities. The roles and responsibilities of these officials were meticulously detailed and strictly adhered to. URCs in Dagestan, documented since the Early Middle Ages, represent a new stage in socio-political self-organization, socio-cultural dynamics, and the formation of civil identity within the Dagestani multi-ethnic community, succeeding the emergence of large rural settlements ("shi," "roso," "khyur," etc.).

Keywords: Dagestan; union of rural communities; jamaat; adat; governance system; people's assembly; council of elders.

For citation: B.G. Aliev, Dagestan's unions of rural communities: formation, ethnic structure, governance system. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. No. 3. P. 544-554. doi.org/10.32653/CH203544-554

Историография

Союзы сельских общин в исторической литературе известны как «вольные общества». В досоветской историографии они были известны и как республики [1, с. 215], и федеративные республики [2, с. 40]. Упоминание о них имеется во многих работах различных авторов XVIII–XIX вв. Научное осмысление феномена дагестанских союзов общин началось в советский период, когда этой теме были посвящены специальные монографии, квалификационные работы и статьи. В разработку различных аспектов этой проблемы значительный вклад внесли И.П. Петрушевский, С.В. Юшков, М.В. Саидова, П.А. Брюханов, Р.М. Магомедов, Х.-М.О. Хашаев, В.Г. Гаджиев, Р.Г. Маршаев, А.Р. Шихсаидов, Х.Х. Рамазанов, Л.И. Лавров, Б.Г. Алиев, М.А. Агларов, С.Х. Асиятилов, Д.М. Магомедов, Ш.М. Ахмедов, М.Р. Гасанов, М.-С.К. Умаханов, Ш.М. Мансуров, А.Г. Мансурова, Ю.Ю. Карпов, Б.Р. Рагимова, И.Г. Ибрагимов, З.Ш. Закарияев, Р.М. Султанбеков, А.Б. Сайбулаев, П.М. Тагилова, К.И. Шамхалов, И.Г. Нурмагомедов, А.А. Гасанов и др. В 1981 г. Отдел истории Дагестана до XX в. ИИЯЛ ДФ АН СССР издал сборник статей «Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в.». В 2010 г. ДГПУ выпустил сборник статей с весьма обширным названием «Союзы сельских общин в историческом процессе Дагестана, Кавказа и России: новые подходы и дискуссии».

Несмотря на интерес к теме ССО, вопросы о роли сельских общин в развитии политико-правой культуры остаются в дагестанской историографии во многом открытыми.

Основная часть

В Дагестане к началу XIX в. было известно несколько десятков разных по своему составу, экономическому и политическому положению союзов сельских общин. Согласно имеющимся источникам [3; 4; 5; 6] можно выделить следующие союзы:

Аварские союзы общин: 1) Андалал, 2) Анди, 3) Анцросо, 4) Анцух, 5) Ахвах, 6) Багулал, 7) Бежта (Капуча, Хванал), 8) Белоканы, 9) Бохнода, 10) Гергебиль, 11) Гидатль, 12) Гумбет, 13) Джар, 14) Джурмут, 15) Карата, 16) Карах, 17) Келеб, 18) Койсубула, 19) Рисор, 20) Тала, 21) Верхний Таш, 22) Технущал, 23) Тинди, 24) Тленсерух, 25) Тлурутль, 26) Салатавия, 27) Чамалал, 28) Шаитли (Иланхеви), 29) Шуратль (Дидо Шуратль), 30) Асах (Дидо Асах), 31) Хварши, 32) Ункратль, 33) Конода, 34) Унхада, 35) Тонсода, 36) Кособ, 37) Тлебелал, 38) Средний Таш, 39) Нижний Таш

Даргинские союзы общин: Акушинский, Усишинский, Мугинский, Мекегинский, Цудахарский, Сюргинский, Ицаринский, Урахинский (Каба-Дарго), Буркун-Дарго, Ганк, Гапш, Хамур-Дарго, Муйра, Каттаган, Шуркант, Ирчамул, Каракайтаг, Маджалис-катти, Гуцу-Дарго.

Лезгинские союзы общин: Ахты-пара, Алты-пара, Докуз-пара, Котуркюра, Чилейский, Кабирский, Ахмарлинский, Курахский, Картасский, Гюнейский, Стал-Чиле, Гюгджейский.

Табасаранские союзы общин: Нитриг, Дирче, Суак, Чуркул, Хараг, Кухрук, Кераг, Харали-ар, Этек (Этекар).

Агульские союзы общин: Кошан-дере, Агул-дере, Ричинский магал.

Рутульские союзы общин: Рутульский магал, Ихрекский магал, Шиназский магал.

Цахурские союзы общин: Горный магал, Сувагильский союз, Карабулакский союз, Илисуйский союз.

По структуре ССО включали от нескольких до десятков сельских общин с номинальным главенством одного из наиболее крупных и влиятельных из них. В большинстве случаев, назывались ССО по имени главного аула. К примеру, у даргинцев – Акуша, Цудахар, Мекеги, у аварцев – Анди, Тинди, Карата, Джар, Белоканы, у лезгин – Ахты, Курах, у рутулов – Рутул и т.д. В других случаях название союзов общин было связано с их географическим расположением.

Подчеркнем, что одна из ключевых функций ССО состояла в самообороне от внешней угрозы. Примечательно в этой связи, что в некоторых дагестанских языках слова «союз сельских общин» и «войско» называются одинаково: «бо» (авар.), «хIуреба» (дарг.) и т.д.

Как следует из историографии, процесс образования ССО Дагестана происходил разновременно. Так, А.Р. Шихсаидов писал, что у народов лезгинской группы в X–XII вв. не было единого государственного

образования, а были отдельные уделы и союзы общин [7, с. 77]. По Р.М. Магомедову, в IX–XII вв. лезгинские племена «подразделялись по магалам. В магал входило по несколько общин» [8, с. 73]. По сведениям Абу Хамида ал-Гарнати, в Табасаране в XI в. было 24 рустака [9, с. 49], среди которых, как полагают А.Р. Шихсаидов и М.Р. Гасанов, были и союзы сельских общин. С распадом Шандана, Филана и ал-Караха образуется и ряд союзов сельских общин даргинцев. Образование союзов сельских общин Аварики связано с распадом Серира [10, с. 12–13].

По предположению С.Х. Асиятилова, в предгорье и в горах Дагестана становление больших территориальных поселений и сельских обществ и союзов «являлся следствием разрушения городов и замковых поселений»¹ в период арабских завоеваний. При этом само «появление союзов сельских обществ», «формирование вольных обществ» он относил к XIV–XV вв., т. е. ко второму этапу образования союзов сельских общин, связанному с уничтожением небольших княжеств, возникших на развалинах раннефеодальных государственных образований.

Сохранились сведения об уничтожении или изгнании горцами правителей княжеств и образовании территориально-политических союзов общин. Так, они имелись у даргинцев в Мекеги и других селений Верхнего Дарго, в Издагиши, в аварских обществах Томс, в сел. Мачада, Сагада, Чирката, Мугурухе, Мазада, Кудали, Шулани, Гидатле, Анди и т.д. Удельные правители – «князья» – были уничтожены не только в результате классовой борьбы, но и вследствие иноземного вмешательства – походов татаро-монголов и в особенности походов Тимура в Нагорный Дагестан, которые ослабили и разорили удельных «ханов» [11, с. 67], чем воспользовались общинники. Аналогичные процессы происходили и у других народов Кавказа, горных народов Северо-Восточной Индии и т.д. [12, с. 246–260; 13, с. 65; 14, с. 197–198].

Таким образом, горные общества практически восстановили общинные традиции, отстранив от власти местных князей и конфисковав их земельные владения, которые были распределены между общинниками. Важно подчеркнуть, что дагестанские союзы общин образовались на базе распада удельных феодальных владений, а не «родового строя» и не в XIX в., как об этом пишут фальсификаторы истории Дагестана [15, с. 131, 150; 16; 17]. Освободившись от власти удельных феодалов (князей, талханов, шахов, эмиров), общинники восстановили демократические порядки. Поэтому общественные отношения в дагестанских союзах сельских общин «были не пережитками первобытнообщинных отношений, а являлись результатом замедленного процесса классового образования после освобождения крестьян от власти аристократов» [18, с. 15].

Причина объединения общин в союзы, как указывалось и выше, – эта угроза со стороны окружающих феодальных владений, «более высокий уровень социально-экономического развития», которых «обуславливал у них потребность расширения сферы функционирования феодальных отношений, что выражалось в ведении агрессивных действий по отношению к соседним районам» [19, с. 9]. Поэтому, общины и союзы общин горцев были военно-политическими объединениями джамаатов, в которых «сельско-общинный уклад ... был настолько прочным, что [даже] община могла противостоять попыткам феодалов подчинить себя им» [19, с. 9]. Объединения же общин в союзы, как более крупные военно-политические структуры, позволяли «еще успешнее ... бороться с феодальной экспансией» [19, с. 9].

Так как угроза со стороны феодальных владений существовала постоянно, то естественно, что «военно-оборонительные функции союзов общин продолжали сохранять важное значение в продолжении всей истории их существования» [19, с. 9]. Поэтому дальнейшее развитие их привело к образованию более крупных форм политической организации – к объединению их в федерации и конфедерации во главе с наиболее крупными, сильными и влиятельными из них, например, Анкратль, Акуша-Дарго, Цунта (Дидо) и т.д. В последних не было централизованных органов управления, союзы общин в них сохраняли свою политическую автономию, но были объединены единым правовым пространством и тесными экономическими связями.

Особенностью дагестанских союзов сельских общин, как политических структур, являлось образование их по этно-территориальному принципу. В основном они складывались в рамках определенного этноса или субэтноса. Так, у даргинцев Акушинский союз объединял в основном селения, говорящие на акушинском диалекте даргинского языка, Цудахарский союз объединял в основном селения с цудахарским диалектом, Усишинский союз – с усишинским диалектом, Мекегинский союз –

1. Асиятилов С.Х. Гидатлинцы // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 249.

с мекегинским диалектом, Мугинский союз – с мугинским диалектом, Урахинский союз – с урахинским диалектом, Сюргинский союз – с сюргинским диалектом и т.д. Вместе с тем, возникновение этих диалектов, на наш взгляд, можно связывать в том числе и с самим образованием указанных союзов общин, в рамках которых и развились определенные языковые особенности. Но что интересно – в Акушинский союз входили и отдельные села, жители которых говорили на лакском и аварском языках. В составе Цудахарского союза находились отдельные села Андалала, присоединившиеся к нему позже по политическим мотивам. В ряд союзов Табасарана, кроме основных табасаранских сел, входили также селения азербайджанцев и евреев. Еще в 30-е годы XVIII в. немецкий ученый, астроном и географ А. Олеарий, посетивший Дагестан в составе голштинского посольства, писал, что в Табасаране «много живет иудеев» [20, с. 488]. В Андалал входило селение Мегеб, в Бежта входили Гунзиб и Генух, в Рисор входили Арчи и Шалиб, в Ункратль – ряд хваршинских и цезских селений

Система управления дагестанских союзов общин в целом была единообразна. При этом во многих союзах общин роль отдельных джамаатов в организации или в формировании руководящих органов была не велика, так как в них общесоюзными органами управления были органы власти главного селения. Последнее поэтому и являлось местом постоянного функционирования администрации союзов общин, которому подчинялись или были послушны остальные общины, входящие в союз. Здесь весьма уместно привести слова ученого-юриста М.М. Ковалевского, писавшего, что в дагестанских союзах сельских общин сложилось такое положение, когда «процесс развития государственности не ограничился ... созданием... общинной организации. Общины не сохраняли всегда полной независимости друг от друга. Древнейшему и обыкновенно могущественнейшему аулу удавалось, путем нередко молчаливо заключенных союзов, взять на себя руководство судьбами соседних с ним обществ, и в этом случае сельский старейшина этого аула принимал на себя предводительство в военных походах и сосредотачивал в своих руках право судебного разбирательства и вне пределов общины» [17, с. 162].

Весьма нагляден в этой связи пример по Урахинскому союзу (Каба-Дарго), о котором писал А. Далгат: «Все аулы этого союза во всех своих делах ориентировались на Урахи, следовали обычаям и традициям, установленным этим аулом. По вопросам войны и мира, во внешних отношениях, при разборе земельных споров – во всех важнейших вопросах решение Урахинского джамаата являлось обязательным для Совета старейшин Урахинского Союза. В период распространения ислама и начала господства шариата и института кадиев решения урахинского кадия были обязательны для всех аулов Союза, и кадиями в эти аулы в большинстве случаев назначались урахинцы» [21, с. 5–6]. Урахинский союз насчитывал от 10 до 18 населенных пунктов [21], а община Урахи, будучи наиболее крупным в Каба-Дарго, оказывала влияние на соседние даргинские селения [22, с. 164].

Высшими должностными лицами в дагестанских союзах общин были избранные старейшины центрального селения, а во многих союзах, в особенности в даргинских, – ими были мусульманские кадии. «Каждое из даргинских обществ (союзов. – прим. авт.)», – говорится в примечании к «Адатам даргинских обществ», – управлялось в прежнее время своими кадиями» [23, с. 128]. По замечанию генерала А. Комарова, у цунтинцев «каждая их часть (союзов. – прим. авт.) управлялась в прежнее время по усмотрению своих старшин» [4, с. 147]. Многие дореволюционные авторы отмечали, что ССО управлялись своими кадиями и старшинами [24, с. 248], «либо кадиями, либо старшинами» [25, с. 104], «аулами управляют избираемые ... старшины, которые ... известны под разными названиями, как-то: кадиев, картов или ахсагал» [26, с. 384]. В одних союзах центральную власть представляли старшины, в других – кадии. Кадии управляли в Койсубулу («более всех кади» имел «влияние на общее управление»), Андалале («управляются кадием»), Рутуле («селения, составляющие ... наибство, прежде управлялись кадиями с советом старшин»), Анцухе (кадий «был военным, светским и духовным главой»), Ицари («союзом, состоящим из 7 сел управлял щаринский кадий») [27, с. 296; 4, с. 128; 24, с. 67]².

Старшины и кадии центральных селений, являясь высшими административно-должностными лицами в своих общинах, управляли и союзом общин. Решения, принятые старшинами и кадиями центрального селения, подлежали неприкосновенному исполнению всеми общинами союза.

В XVIII – первой половине XIX в. выборы высших должностных лиц центральных сел, которые у разных народов носили свои названия: *бегавул*, *чухби* (авар.), *шила халати*, *ще холати*, *хулате* (дарг.), *аксакал*, *кавха*, *кевха*, (у народов Южного Дагестана) и т.д. практически превратились в фор-

2. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 93. Л. 8; ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Д. 2263. Л. 225.

мальность, – во многих общинах эти должности занимали представители одних и тех же тухумов или фамилий, имевших «наследственные права» на эти должности. Так, наследственными в кюринских союзах были: в Курахе тухумы *Мирчиар* («с незапамятных времен») и *Манчарар*; в Кабире – тухум *Куруджнар*; в Картасе – *Карталяр*; в Магарамкенте – *Манатар* или *Мачатар* и т.д. [28, с. 41–43]. А. Цветков, собравший этот материал, писал: «До ханов селения управлялись старшинами (кевха. – прим. авт.), избравшимся обществом преимущественно из какого-либо рода» [28, с. 42]. Союз Ахты-пара управлялся 40 аксакалами, получавшими это звание по наследству [28, с. 26]. Наследственной была и власть аксакалов в Хнове [28, с. 27].

В союзах Акуша-Дарго: в Цудахаре *хулелов* (старшин) имели право выдвигать только 4 тухума: *Хосеннатала*, *Самураталла*, *Нурилавталла* и *Узунаталла*; в сел. Муги из более чем 10 тухумов только 4 имели право выдвигать старшин: *Дабайхъали*, *Бакъкъарихъали*, *Шихгъямархъали* и *Мякъяхъали*³. П. Зубов писал, что акушинцы «повинуются только своим старшинам, из числа коих некоторые имеют звание наследственно» [29, с. 252]. Позже и М.М. Ковалевский писал, что в Акуша-Дарго старшины «избираются сроком на один год из почетнейших лиц, ... из известных только фамилий [17, с. 161]. О союзах сельских общин Дагестана в целом он писал: «В тех общинах, где не было родовых начальников, на должность старшины попадали исключительно в силу избрания; но при этом сохранялось правило, что кандидатом может быть только член двух, трех или более выдающихся тухумов» [17, с. 160].

Вопрос о наследственности власти старшин и кадиев в центрах союзов сельских общин поднят нами, чтобы показать не только зависимость сельских общин от них, но и отметить, что богатые, знатные и влиятельные тухумы и их представители управляли не только своими общинами, но и другими общинами союза. Эта высшая социальная прослойка управляла всей политической жизнью сельских общин.

Особенно наглядно зависимость общин от центрального селения прослеживается в лезгинском союзе Ахты-пара. Все 40 аксакалов сел. Ахты управляли делами не только самих ахтынцев, но и жителей 11 сел союза. «Это управление, – сказано в источнике, – распространялось и на военные движения, в которых также принимали распорядительное участие эфенди и кади» [28, с. 26]. В других селах союза «не было ни аксакалов, ни чаушей» (исполнителей. – прим. авт.) [28, с. 26].

Сосредоточение верховной власти союзов в центральных селениях делало их местом постоянного присутствия администрации, которая поддерживала связи с сельскими обществами и руководила ими через местных старшин и кадиев, подчинявшихся им как вышестоящим административным лицам. В свете сказанного и приведенного выше материала вряд ли можно согласиться с утверждением поручика Сотникова, писавшего, что: «Старшины главных селений (союзов. – прим. авт.) не имели никакого значения для селений других деревень» [28, с. 36]. Это верно только для 60-х годов XIX в., когда он собирал материал в условиях новой администрации, введенной российским правительством, что, впрочем, подтверждает и сам Сотников в примечании по Кубачи, возглавлявшем союз Ганк.

Естественно, что высшие должностные лица союзов находились в центральном селении, где они выбирались на народном сходе этого селения. Жители же других селений союза не принимали участия в выборе должностных лиц центрального селения, хотя они являлись и высшими должностными лицами всего союза, а, следовательно, и каждого его селения.

Но это не значит, что жители других общин союзов вообще не принимали участия в управлении союзами, в формировании его органов управления. Союзы общин, скопировав систему управления у джамаатов, естественно, как и последние, имели и высшие органы управления в лице народного собрания, на котором участвовали представители всех общин союза. Эти общие сходы собирались в центральном селении или на определенном месте, и на них обсуждали важнейшие вопросы, касающиеся всего союза общин. Так, в источнике об Акушинском союзе сказано, что сход собирался в местности «*Холарги Кадала Хар*», где выбирали и союзного кадия с присутствием кадиев, и представителей общин [28, с. 14].

Каждый союз имел свое определенное место проведения общесоюзного собрания. Так, сход союза Анцросо собирался в Черельской долине, Джурмута – в Хинди, Келеба – в Ругельда⁴. Сход союза общин Рича собирался в ущелье *Укудеше*, менее важные дела обсуждали в самом Риче. Сход Курахского союза

3. Полевые записи м.н.с. ИИЯЛ Алиева Б.Г., сделанные в период летней экспедиции 1962 г. в Акушинском, Левашинском и Сергокалинском районах // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371. С. 64.

4. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 100, 110, 231.

проводился на площадке *Ярги-Келедихъ* (высокая башня), кутуркюринцы собирались в местности *Руат* – у родника, гюнейцы, сталчицейцы и гегджинцы – на горе Калах⁵. Сюргинцы обычно 2–3 раза в году собирались в сел. Нахки в местности «*Духа биргем*» [30, с. 163]. Жители Каракайтага собирались на возвышенном месте «*Гули-Гули-Кадда*», вблизи сел. Кудагу, урчемульцы – на большой поляне «*Деккалашара*», между сел. Варсит и Кирки, шуркантцы – на возвышенном месте «*Мукрукат*», вблизи сел. Варсит. Представители союзов Гапш, Ганк и Ицари собирались на возвышенном месте «*Аф-Ка*» около Уркараха, представители союза Муйра собирались в местности «*Канайла-Хаб*», представители Каттагана – на «*Мижигли*» [28, с. 23, 36].

Сохранилось много сведений о местах проведения народных сходов аварских союзов. Так, капуцинцы собирались в местности «*Тлеброс*» [31], каралалы – на равнине «*Руккиль*»⁶, около Тляроша гидатлинцы в местности «*Хурда*», выше сел. Урада [32, с. 217], а иногда в местности «*Худахлар*», между сел. Урада и Мачада⁷, андалальцы собирались в урочище «*Руккладух*», между сел. Чох, Гамсутль и Согратль. Само слово «*Руккель*» в переводе с аварского означает сбор. Отсюда и название местности «*Рукклюдухъ*»⁸. Представители союза Иланхеви собирались в местности «*Хоботль майдан*» [33, с. 12].

Очень интересный материал сохранился по общесоюзному сходу Салатавии, состоящего из 13 сел. Собирали сход в местности «*Миккиласул кьуогладухъ*» (родник Миккилава). На сходе участвовали по 3–5 человек от каждого селения во главе с сельскими административными и духовными лицами и опытными старейшинами. Так собиралось около 200 участников схода, которые в течение 5–6 дней обменивались новостями, накопившимися за год [34, с. 24; 35, с. 20]. Здесь же вносили изменения и дополнения к адатам, применявшимся среди салатавцев [35, с. 20], выбирали совет старейшин, который выносил по всем вопросам решения, подлежащие исполнению, из наиболее справедливых, добросовестных и неподкупных людей. На сходе выбирали и 50 человек на должность исполнителей, называемых «*болгIалаби*» («войсковые исполнители»). «В маленьких обществах болгIалаби выбирались в количестве двух-трех, в больших селениях – семь-восемь человек, в среднем селении – четыре-пять человек» [37, с. 188]. *БолгIалаби* были помощниками старшин и выполняли полицейские функции [35, с. 20]. Никто не имел право выступать против решения этого народного схода. Протестующего сажали на несколько дней в яму и штрафовали в пользу собрания. Если же кто-либо отказывался выполнять решения собрания, в наказание сжигали его дом [34, с. 25].

Как видим, в Салатавии выбирались и общесоюзные (войсковые) исполнители. Но не везде была такая традиция. Как писал А. Агларов, приведенный «источник рисует определенные нюансы, свойственные управлению данным «вольным обществом», как-то: наличие войсковых исполнителей («*болгIалаби*») и то, что они одновременно являлись управителями тех сел, откуда выбирались. Это, кажется, не было свойственно центральноаварским «вольным обществам» (типа Гидатля, Андалала, Анди), аналогии мы находим на юге и юго-западе Аварии. Так были устроены Тлесерухское, Калалальское «вольные общества», многие «вольные общества» тлярятинских аварцев (федерация Антль-Ратль. – Авт.), дидойцев и джаро-белоканцев» [36, с. 188].

Из источника также следует, что на сходе в Салатавии выбирали и совет старейшин, куда входили представители сел союза. Советы старейшин были во всех союзах, и они также были, хотя малыми, но коллективными общесоюзными органами управления с участием представителей общин. Это значит, что сельские общины принимали участие в управлении союзами, делегируя своих наиболее почетных, авторитетных и известных руководителей (старшин и кадиев, возможно, и глав известных тухумов) и в высший совет союза, функционирующий в период между народными собраниями, как высший коллективный орган союза, на котором более оперативно решались вопросы, касающиеся союза в целом, всех общин, входящих в него. Решения, принятые на высшем совете союза, имели такую же силу, как и решения народных сходов, и были обязательными для исполнения во всех общинах союза. Высшие советы союзов между созывами народных собраний были постоянно действующими

5. Центральный государственный исторический архив Республики Грузия. Ф. 416. Оп. 4. Д. 17. Л. 3.

6. Алиев Б.Г. Полевые записи, собранные в Рутульском, Чарадинском, Дахадаевском и Кайтагском районах по теме «Крестьянство Центрального и Южного Дагестана в XV–XVIII вв. 1980. // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570. Л. 106.

7. Алиев Б.Г. Полевые записи, собранные в Агульском, Советском, Дахадаевском и Табасаранском районах в 1982 г. по теме «Особенности социально-экономического и политического развития союзов сельских общин в конце XVII – первой половине XIX в.» // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 586. С. 128–129.

8. Алиев Б.Г. Полевые материалы, собранные в Гергебильском, Гунибском и Чарадинском районах в 1983 г. по теме «Особенности социально-экономического и политического развития союзов сельских общин в конце XVII – первой половине XIX в.» // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596. С. 94.

высшими коллегиальными органами управления союзов, заменяющими народные собрания. Члены высшего совета, являясь представителями сельских общин, как высшие должностные административные лица своих общин, естественно, претворяли в жизнь решения высшего совета.

О таких советах старейшин аварских союзов Р.М. Магомедов писал: «Очевидно старейшины, кадии джамаатов приезжали к кадию, старейшине вольного общества для совета по общим внутренним и внешнеполитическим вопросам. Кто еще кроме кадия, старейшины входил в состав совета, – об этом источники ничего не сообщают. Одно для нас бесспорно, что в какой-то форме совет вольного общества существовал. Он время от времени созывался и решал важные вопросы» [37, с. 68]. Это можно проследить и на примере табасаранского союза Дирче, где «для решения особо важных вопросов» кевха (старшина. – прим. авт.) магала (союза. – Авт.) живший в Хиве, «созывал сельских старшин и почетных жителей» [38, с. 157].

Решения высшего совета, как и решения администрации и народного схода, по приказу старшин и кадиев претворяли в жизнь исполнители во главе с *мангушем*, который возглавлял их. *Мангуш* – второе должностное лицо после старшин и кадиев – находился между администрацией и народом и ставил в известность народ о всех решениях администрации, общего схода и высшего совета.

В союзах сельских общин, где не выбирались или не назначались общесоюзные исполнители и *мангуш*, функции общесоюзных исполнителей и *мангуша* выполняли исполнители и *мангуш* центрального селения. Количество исполнителей зависело от величины центрального селения и количества сел, входивших в союз, и оно доходило до нескольких десятков человек. Так, в центрах союзов: в Кубачи (союз Ганк) было 24 исполнителя, в Уркарахе (союз Гапш) – 60 [28, с. 24]; в Урахи (Каба-Дарго), Урари (Сюрга) и Мекеги (Мекегинский союз) было по 12⁹; в Мути (Мугинский союз) – от 7 до 12, Цудахаре (Цудахарский союз) – 9¹⁰, в Акуша (Акушинский союз) – 16 [28, с. 14]; Хуштада (Багулал) и Гочобе (Каралал) – по 7 и т.д. Если в союзе было много сел и земельных участков, нуждающихся в охране, администрация центрального селения могла увеличить количество исполнителей, так как они выполняли и функции вестовых, называемых, например, в даргинских союзах *чапарами* и доставлявших решения союзных администраций в сельские общины. Во многих случаях *чапары* приходили в другие села вместе с *мангушем*, стоявшим во главе исполнителей. В одном источнике о Кайтаге, например, сказано: «Башлы и Кубачи имели у себя особых мангушев, обязанность мангушев была созывать народ на общественные места, взыскивать штрафы (привлекая исполнителей. – прим. авт.) и исполнять указания старшин; в случае надобности они объезжали по деревням магала (союза. – прим. авт.) и объявляли народу, чтобы он собрался в такой-то день и на такое-то место» [28, с. 21].

Исполнители назначались и в каждом селении. У народов Дагестана они назывались по-разному: *килми*, *чилми*, *чауши*, *тулгаки*, *есаулы*, *чины*, *гели*, *барумани*, *хъубесла*, *гъешла бегити* (имеющие силу, власть), *ибахъур*, *хъулгъула*, *хъуалти* (охраняющие поля), *урчлечи*, *бакавул* и т.д. Все исполнители сельских общин подчинялись не только общинной администрации, но и администрации союза в лице административно-должностных лиц центрального селения. Они приводили в исполнение решения союзной администрации.

Права и обязанности исполнителей хорошо видны на примере союзов общины Кайтага. В источнике о них сказано: «Права и обязанности тулгаков (исполнителей. – прим. авт.) – наблюдать за порядком на общественных местах; выгонять народ на полевые работы; взыскивать штраф (по приказанию старшины), с того, кто оказывается по суду виновным; выгонять из дому канлы» (убийцу. прим. авт.), не пускать народ в запрещенное время на поля, сенокосы, пастбища, сады и маренники и т.д. [28, с. 21–22].

Исполнители «являлись силой принуждения». Причем они, «имея лишь ограниченную актовую функцию, были единственным специализированным органом насилия» [36, с. 182]. «Исполнителям разрешалось применять насилие [только] во время исполнения своих обязанностей, но в ограниченных рамках» [36, с. 183].

Каждый союз, как и община, защищал жизнь и права членов администрации, особенно старшин и кадиев. Покушение на них наказывалось более строго. В адатах Цекубского общества сказано: «Если кто ударит сельского старшину, то с него взыскиваются 3 овцы» [28, с. 97]. По адату Урахинского общества за убийство кадия избиралось 7 *баш-канлы* (убийцы) из числа участвовавших в убийстве,

9. Полевые записи м.н.с. ИИЯЛ Алиева Б.Г., сделанные в период летней экспедиции 1962 г. в Акушинском, Левашинском и Сергокалинском районах // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371. С. 64.

10. Там же.

в то время как за убийство других членов общества избиралось всего 3 *мал-канлы* (подозреваемые в убийстве). С убийцы кадия взыскивалось 7 *алумов* (плата, взыскиваемая в пользу родственников убитого вскоре после совершения убийства) и штраф 8 быков, 7 домов убийцы или их родственников разорялись до основания. За убийство старшин взыскивался *алум* в двойном размере и штраф 8 быков [23, с. 80]. В Сюргинском союзе за нанесение побоев должностным лицам при «отправлении ими своих обязанностей; если только не они первыми начали драку», взыскивался «штраф в пользу джамаата один бычок и нанесший побои делал утощение обиженному» [23, с. 76]. В Акушинском союзе общин за убийство *мангуша алум* и штраф взыскивались вчетверо больше; за убийство исполнителя – вдвое [23, с. 35]. Согласно другим статьям адатов акушинцев, за нанесение раны или нанесение побоев любому должностному лицу штраф в пользу джамаата увеличивался вдвое [23, с. 36–37].

В союзах общин горцев были адаты, более строго наказывающие за покушение на жизнь, честь и достоинство должностных лиц. Так, по адатам Урахинского союза за нанесение раны кадию и старшине «определенное по адату удовлетворение раненому» делалось в два раза больше, и брался штраф исполнителям 8 быков [23, с. 80]. В адатах андалальцев сказано: «Если кто ударит исполнителя ... то с того, кто ударил, взыскать одного быка. Если же удар был нанесен с согласия всех жителей селения, то с них взыскать 300 баранов» [28, с. 63].

Вместе с тем, каждый союз, как и общины, требовал от всех административных лиц, как представителей исполнительной власти, беспрекословного исполнения своих обязанностей. Нарушение этого требования также наказывалось строго в зависимости от состава нарушения. Так, в адатах Келебского общества сказано: «Если старшины будут медлить с взысканием штрафа более одной недели, то с них самых взыскивается штраф в размере одной овцы» [28, с. 76]. В цекубских адатах сказано, что они «согласились взыскивать штраф в размере одной овцы в пользу селения с того из старшин, кто откололся и отказался принимать участие в установлении общественного порядка» [28, с. 98]. У цекубцев был адат, согласно которому, если старшины или исполнители тормозили взыскание штрафа в течение 3-х месяцев, они штрафовались сами. Если же это взыскание не производилось, то избранная сходом тройка должна была отстранить всех 6 старшин и исполнителей. Если же тройка не сделает этого, то с каждого из них брали штраф по одной овце [28, с. 100].

Строго наказывались исполнители за неисполнение своих обязанностей в Андалале. В одной из статей адатов этого союза сказано: «Если кто из исполнителей, услышав вызов, не явится к властям, то с него взыскивается один бык» [28, с. 64].

Аналогичные статьи были в адатах других союзов. Но и приведенные примеры наглядно показывают, как адаты горцев требовали от своих административно-должностных лиц строгого выполнения своих обязанностей. Это требование дисциплинировало административных лиц, народ мог оценить их работу и принимать соответствующее решение при очередных выборах.

Так выглядела система управления союзами сельских общин, как второй ступени политической организации горцев и промежуточной ступени между их объединениями и сельскими обществами, как первой ступени единения горцев, из которых и состояли сами союзы общин.

Заключение

Приведенные в статье сведения свидетельствуют о том, что союзы сельских общин, возникнув как территориально-этнические и хозяйственные структуры, развились в военно-политические объединения горцев, призванные защищать свою независимость. В целом, дагестанским союзам общин была присуща моноэтничность, однако в ряде случаев они складывались по принципу территориальной близости и в них входили общины, принадлежащие разным этносам. Во многих дагестанских союзах общин не выбирались высшие и другие союзные административные лица. Ими становились старшины и кадии центрального селения, в распоряжении которых находились *мангуши* и исполнители. В то же время представители общин, входившие в подобный союз, участвовали в работе союзных народных сходов и советов старейшин. Дагестанские союзы сельских общин являлись наиболее консолидированными, организованными, мобильными и хорошо управляемыми политическими структурами горцев. Они сыграли огромную роль в общественно-политическом развитии Дагестана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана. Арх. мат. / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. 871 с.
2. Бронеvский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. 1. 465 с.
3. Берже А. При-Каспийский край // Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис, 1856. С. 275–339.
4. Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. 1. С. 1–123.
5. Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн. 8. С. 1–49.
6. Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В.М. Сорокина, 1895. 413 с.
7. Шихсаидов А.Р. Вопросы исторической географии Дагестана X–XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. Сб. статей и материалов. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1980. С. 65–86.
8. Магомедов Р.М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. 340 с.
9. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153) / Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1971. 136 с.
10. Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1970. 292 с.
11. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала: Изд-во типогр. ДНЦ РАН, 1999. 339 с.
12. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М.: Наука, 1967. 331 с.
13. Гасвиани Г.А. Социально-экономическая структура Сванетии в XI–XVIII вв. Тбилиси: Мецинигреба, 1980. 124 с.
14. Маретина С.А. Эволюция общественного строя горских народов Северо-Восточной Индии. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1980. 260 с.
15. Щербина Ф. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный архив. СПб., 1886. № 1. С. 123–165. (131, 150).
16. Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. М., 1888. № 12. С. 513–551.
17. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М.: Тип. Мамонтова и К°, 1899. Т. 2. 304 с.
18. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. 184 с.
19. Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М.: Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР, 1990. 145 с.
20. Оlearий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А.С. Суворова, 1906. 578 с. с ил.
21. Далгат А. В огне революции. Воспоминания. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 280 с.
22. Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII–XIX в. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1976. 223 с.
1. Akhverdov AI. Description of Dagestan. 1804. In: Kosven M.O., Khashaev H.-M. *History, geography and ethnography of Dagestan. Archive material*. Moscow: Vost. Lit., 1958. (In Russ)
2. Bronevsky S. *The latest geographical and historical news about the Caucasus*. Moscow: S. Selivanovsky Typography, 1823. (In Russ)
3. Berzhe A. Caspian region. *Caucasian calendar for 1857*. Tiflis, 1856: 275–339. (In Russ)
4. Komarov AV. Lists of populated areas of the Dagestan region. *Collection of statistical information about the Caucasus*. Tiflis, 1869: 1–123. (In Russ)
5. Komarov AV. Population of the Dagestan Region (with an ethnographic map). *ZKOIRGO*. Tiflis, 1873, pp. 1–49.
6. Kozubsky EI. *Commemorative book of the Dagestan region*. Temir-Khan-Shura: V.M. Sorokin's Typography, 1895. (In Russ)
7. Shikhsaidov AR. Questions of the historical geography of Dagestan in the 10th–14th centuries (Lakz, Gumik). *Eastern sources on the history of Dagestan. Collection of articles and materials*. Makhachkala: DF USSR Academy of Sciences, 1980: 65–86. (In Russ)
8. Magomedov RM. *History of Dagestan. From ancient times to the end of the 19th century*. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1968. (In Russ)
9. Abu Hamid al-Garnati's *Journey to Eastern and Central Europe (1131–1153)*. Publication by O.G. Bolshakov and A.L. Mongait. Moscow: Vost. Lit., 1971. (In Russ)
10. Daniyalov GD. *Class Struggle in Dagestan in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries*. Makhachkala: DF USSR Academy of Sciences, 1970. (In Russ)
11. Aliev BG. *Unions of Rural Communities of Dagestan in the 18th – First Half of the 19th Century (Economy, Land and Social Relations, Power Structure)*. Makhachkala: DSC RAS, 1999. (In Russ)
12. Gardanov VK. *Social structure of the Adyghe peoples*. Moscow: Nauka, 1967. (In Russ)
13. Gasviani GA. *Social and economic structure of Svaneti in the 11th–18th centuries*. Tbilisi: Metzinigreba, 1980. (In Russ)
14. Maretina SA. *Evolution of the social system of the mountain peoples of North-East India*. Moscow: Nauka, Vost. Lit., 1980. (In Russ)
15. Shcherbina F. Communal life and land ownership among the Caucasian highlanders. *Severnyi Arhiv*. St. Petersburg, 1886; 1: 123–165 (131, 150).
16. Kovalevsky MM. Tribal structure of Dagestan. *Yuridichesky Vestnik*. Moscow, 1888; 12: 513–551. (In Russ)
17. Kovalevsky MM. *Law and Custom in the Caucasus*. Moscow: Mamontov and Co., 1899. (In Russ)
18. Lavrov LI. *Historical and Ethnographic Essays on the Caucasus*. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1978. (In Russ)
19. Karpov YuYu. Military Organization and Social Development of Unions of Rural Communities in the North Caucasus. *Ethnographic Aspects of the Traditional Military Organization of the Peoples of the Caucasus and Central Asia*. Moscow: Operational Printing Department of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, 1990. (In Russ)
20. Olearius A. *Description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back*. Saint-Petersburg: A.S. Suvorov's Typography, 1906. (In Russ)
21. Dalgat A. *In the fire of revolution. Memories*. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1960. (In Russ)
22. Aliev BG. *Kaba-Dargo in the 18th–19th centuries*. Makhachkala: DF AN USSR, 1976. (In Russ)

23. Адагы даргинских обществ // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Изд. кавказ. горск. управл., 1873. Вып. 1. 128 с.
24. Ртищев Н.Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. М., 1958. 371 с.
25. Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнения оного с нынешним. СПб.: Тип. штаба корпуса внутр-й стражи, 1835. 306 с.
26. Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан. Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 году // Военный сборник, 1862. № 2.
27. Щербачев А.И. Описание Мехтулинского ханства, кой-субулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. М., 1958. 371 с.
28. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Арх. мат. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1965. 268 с.
29. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель. СПб.: Тип. К. Вагнера, 1835. Ч. 3. 268 с.
30. Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. Вып. 1. 266 с.
31. Бежицкие адаты // Из истории права народов Дагестана. (материалы и документы) / сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968. – 240 с.
32. Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. Вып. 2. 270 с.
33. Магомедов Д.М. Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII – нач. XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1977. 13 с.
34. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1977. Вып. 1. 143 с.
35. Казиев Г., Ахмедзиявдинов Т. Чиркей. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. 167 с.
36. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса. М.: Наука, 1988. 237 с.
37. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 408 с.
38. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1984. 344 с.
23. *Adats of Dargin societies. Collection of information about the Caucasian highlanders.* Tiflis, 1873. (In Russ)
24. Rtishchev NF. Information about Dagestan. 1813. *Kosven M.O., Khashaev H.-M. History, geography and ethnography of Dagestan. Archive material.* Moscow: Vost. Lit., 1958. Moscow, 1958. (In Russ)
25. Yevetsky O. *Statistical description of the Transcaucasian region with the addition of an article: the political state of the Transcaucasian region at the end of the 18th century and a comparison with the present.* Saint-Petersburg, 1835. (In Russ)
26. Glinoetsky N. A trip to Dagestan. From travel notes kept in the Caucasus in 1860. *Military collection*, 1862, No. 2. (In Russ)
27. Shcherbachev AI. Description of the Mekhtullinsky Khanate, Koysubuli possessions and the Avar Khanate. Circa 1830. *Kosven M.O., Khashaev H.-M. History, geography and ethnography of Dagestan. Archive material.* Moscow: Vost. Lit., 1958. (In Russ)
28. *Monuments of customary law of Dagestan of the 17th–19th centuries.* Archive material. Comp., preface and notes by H.-M. Khashaev. Moscow: Nauka. Vost. Lit., 1965. (In Russ)
29. Zubov P. *Picture of the Caucasian region belonging to Russia and the lands adjacent to it.* Saint-Petersburg: K. Wagner's Typography, 1835. (In Russ)
30. Magomedov RM. *Dagestan. Historical sketches.* Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1971. (In Russ)
31. *Bezhitskie adats.* In: Omarov A.S. (comp.). *From the history of the law of the peoples of Dagestan (materials and documents).* Makhachkala, 1968. (In Russ)
32. Magomedov RM. *Dagestan. Historical Sketches.* Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1975. (In Russ)
33. Magomedov DM. *Socio-economic and political development of Dido in the 18th – early 19th centuries: Abstract of Thesis.* Makhachkala, 1977. (In Russ)
34. Magomedov RM. *By the Auls of Dagestan.* Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1977. (In Russ)
35. Kaziyev G., Akhmedziyavdinov T. *Chirkey.* Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1972. (In Russ)
36. Aglarov MA. *Rural community in Mountainous Dagestan in the 17th – early 19th centuries. A study of the relationships between economic forms, social structures and ethnicity.* Moscow: Nauka, 1988. (In Russ)
37. Magomedov RM. *Socio-economic and political system of Dagestan in the 18th – early 19th centuries.* Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1957. (In Russ)
38. Ramazanov HKh., Shikhsaidov AR. *Essays on the history of Southern Dagestan. Materials for the history of the peoples of Dagestan from ancient times to the beginning of the 20th century.* Makhachkala: DF USSR Academy of Sciences, 1984. (In Russ)

Поступила в редакцию 03.04.2024 г.

Принята в печать 02.09.2024 г.

Опубликована 15.09.2024 г.

Received 03.04.2024

Accepted 02.09.2024

Published 15.09.2024